

Адмирал Невельской

С ним неразлучен солнца высверк знойный,
Закат багровый, лёгкий бриз морской,
Но Посейдон суровый, беспокойный,
Прибоем бухал: «Кто тут Невельской?»

— Я Невельской! — раздался глас над морем, —
Возрадуйся, бог моря Посейдон!
О царстве в море мы с тобой не спорим,
Я от Амура шлю тебе поклон.

Я Приамурье вижу святорусским,
Из океана ты пошлешь суда
В Амур строптивый, и совсем не узкий,
Чтобы на нём возникли города.

Не насылай воинственные бури,
С разлёту не плещи до самых звёзд!
Здесь будет Николаевск-на-Амуре,
Где основал я самый первый пост.

Ты Сахалин туманом покрываешь,
Чтоб мы не знали: то ли остров он,
То ль полуостров, ты подозреваешь,
Что полон лести низкий мой поклон.

О, Посейдон! Умерь свой пыл летучий
И взвей над морем радугу души!
Мы — русские, а русский значит лучший,
Расправиться со мною не спеши.

Тебе не буду я грозить войною,
Да и соседям царства твоего.
Будь толерантным, Посейдон, со мною,
Я — адмирал, и стою я того!

Давай трубить зарю под небосводом,
Не драть с матросов сразу десять шкур.
Я — Невельской! Мой дом — моя свобода,
Мне царь простил походы на Амур.

Я не люблю подвоха, чёрной бури,
Хотя и не приветствую покой.
Есть город Николаевск-на-Амуре!
Есть адмирал Геннадий Невельской!

Южно-Сахалинск

Сахалин находится не близко,
Надо постараться долететь
До объятий Южно-Сахалинска,
Чтобы от восторга онеметь.

Онеметь от осени и жара
В небо улетающих рябин;
От любви;
сердечного пожара
И морских сияющих глубин.

Небо предвечернее не мглился.
Солнце красным полымем горит
Над раздольем

Южно-Сахалинска

И меня тем жаром обагрит.

Остров обиталищем портовым
К русскому пространству испокон
Всею своей длинью пришвартован,
Чтоб навеки быть с материком.

...Берегом песчаным и скалистым,
Будто вбитый в эти воды клин,
Всею твердью южно-сахалинской
Высится бесценный Сахалин!

Антон Павлович Чехов

1. Чехов в Иркутске

Российской прозы коренник искусный,
Короткого рассказа исполин —
Великий Чехов побывал в Иркутске
Проездом на далёкий Сахалин.

В сибирском бездорожье пообывкнув,
Он в город мой влюбиться был готов.
Вдоль Ангары прошёлся и воскликнул:
«Иркутск — один из лучших городов!»

Неспешным шагом он промерил город,
Оглядывая крепкие дворы,
Повременил у древнего собора,
Что встал на диком берегу Ангары.

В Листвянке был непревзойдённый Чехов,
Байкальский воздух, как и я, глотал.

Ругался в шутку: «Жаль, что не поехал
Со мной сюда скотина Левитан!»

Какое чудо — эта синь Байкала!
Какой восторг — распадки и леса!
Всё то, что видел Чехов за Уралом,
Родным и близким в письмах описал.

Тебе спасибо, мужественный Чехов!
Не всякий представляет — каково
По всей Сибири лошадами проехать!
Ведь это подвиг дерзостный его!

Ты был у нас. Я очень сожалею,
Что нет об этом песен и былин.

Иду Иркутском и мечту лелею
С тобою мчать вдвоём на Сахалин!

2. На Сахалине

Опять по небу длинно-длинно
Плывут живые облака.
— Откуда вы?
— Из Сахалина! —
Слова упали сквозь века.

Неужто с острова? Оттуда,
Где шёл я с Чеховым в туман,
И сполохом большого чуда
В меня вливался океан.

Он — то разнузданный, то
льстивый
Щенком ложился подле ног.

А Чехов тихий, не спесивый,
Мне говорил: «Суров восток,

Порой жесток. Тут не до смеха.
Я с ним пытаюсь говорить...»
И замолкал смиренный Чехов,
Забывший спорить и острить.

Мы с ним по берегу бродили,
Где в синеве закат дрожал...
Как будто в норы заходили,
В землянки хмурых каторжан.

Он знал их многих. Перепиской
Он занимался много дней,
Лечил, расспрашивал о близких
И становился им родней,

Чем те, кто дома ожидали,
Или не ждали: время — дым...
Но видел Бог — они страдали,
И Чехова направил к ним.

Подлодки

Геннадью Гайде

Тихи, суровы, незаметны —
они всплывают вдруг со дна,
так не похожи на суда
и так похожи на ракеты.

Они несут смертельный груз,
что может выжечь поднебесье,
тем самым огненная Русь
хранит земное равновесье.

А океан огромен, пуст...
Царит в подлодке дух военный.

Космический открылся шлюз:
и мы уже — на дне Вселенной.

Сто грамм «наркомовские» пьём,
минуем Гончих Псов, Находку
и про усталую подлодку
мы песню грустную поём.

Поём во все стальные глотки,
мы — сталью ставшие давно...
Всплывают подышать подлодки
и снова падают на дно.

1967

Старый катер

Звезды нетонущий кристалл,
По борту — скрип торося.
Железный катер, ты устал
От ветра и мороза.

Тебе пора, наверно, в док:
Сушить винты, товарищ!
Но ты уходишь на восток,
Как только швы заварить.

К тебе приставлены шторма,
Ты служишь на границе.
В упрямстве молодость сама
С тобою не сравнится.

Я волны вместо книг читал
Локатором послушным...
Железный катер, ты устал,
Ты постарел на службе.

На море служба нелегка...
От качки и до качки
Мне снились сны материка
И девушки-морячки.

...В порту потрудишься ещё,
Похожий на титана...
Но ты уходишь, освещён
Улыбкой капитана.

1965

Во время отлива

Светлане Ратаевой

Еще чуть свет. Вода мелка.
Толкутся сны у побережья.
А мы с тобою — два мальчика —
В рассветной дымке
еле брезжим.

Плывём по краю тишины,
По краю пенного припая.
Уже отлив. И, отступая,
Волна уносит чьи-то сны.

На самом краешке земли
Причалы серые маячат.
Уже отлив. А это значит —
Уходят в море
корабли.

Ещё чуть свет. Но на причал,
Укутав зябнущие плечи,
Приходят женщины.
О, час,
Когда час от часу не легче.

О час, когда бастует мгла.
О, предрассветная молитва,
Когда подобием крыла —
Рука метнётся над заливом.

Взлетит и, кажется, вдали
Коснётся корпуса стального...
С тоской уходят корабли
От притяжения земного.

1966

Притча о странной рыбе

Поутихла моря глыба,
в ночь уткнулись катера.
Снилась мне чудная рыба,
чуть поменьше осетра.

Эта рыба не простая,
точно, что не из простых!
Вроде и не золотая,
но в чешуйках золотых.

Эта рыба знала шутки,
пела тонким голоском
и топорщила чешуйки,
будто маленький дракон.

Нет, она хвостом не била,
очень смиренная была,
плавниками шевелила
и к моей душе плыла.

А душа — к солёной зыби
привыкала — и тесней
приникала к странной рыбе
и плыла, играя с ней.

Дух мой нежился, купался
в водах, солнцем налитых.
...Я под утро просыпался
весь в чешуйках золотых.

1966

Прибой

А я приду, у моря сяду,
где в небо просится прибой,
пытаясь каменные гряды
и мол — оставить за собой.

Он бьётся дико, скалы точит,
деревья, как верёвки, рвёт,

отброшенный, скулит, клокочет,
и вновь, взъерошенный, ревёт.

Пустую отмель огибая,
взбирается на валуны
и долго плачет, погибая
среди полночной тишины.

1967

Приморье. Серый день

У моря — дождь и околесица,
наждачный, кремевый песок,
угрюмых скал крутая лестница,
японский дот — наискосок.

Воды бессчётное количество
и сотни крабов между скал.
Прибой, как зверь доисторический,
в пещерах вареву лакал.

Мальки кипели в этом вареве,
медузы скользкие цвели.
Моллюски, рыбы, головастики
на дне друг друга стерегли.

Утёс, как будто бог языческий,
в междоусобицы вникал,
и видел он, как я панически,
прижатый к берегу, искал

вдали какую-нибудь лодочку,
вблизи маяк или жильё...
Но пустота висела плотная,
как одиночество моё.

Вокруг царило только серое:
на скалах, в облаке, на дне,
росло с востока, с юга, с севера
и подступало всё — ко мне.

С камней, с небес цветное содрано,
остались серые куски...
И понял я, что это собраны
произведения тоски.

Сегодня мне узнать положено
всё то, что сделала тоска,
хотя я — малая горошина
среди прибрежного песка...

Бакен

Сырая мгла окутывает бакен,
Похожий
На светящийся зрачок,
А рядом,
Разучившийся рыбачить,
Разбитый бот на берег извлечён.

Тяжелой цепью к берегу привязан,
Как будто пёс,
Скулит из темноты
И затихает, и теряет разум,
Навеки отлучённый
От воды.

Подоблачную серую шинелью
Укрылось небо.
Вечер догорел.

Подслеповатый бакен
Спит над мелью:
Он тоже вместе с ботом постарел.

Он по ночам печалится о друге,
Взывает к буре,
Штилю вопреки.
И вот у моря
Лопнули подпруги
И заходили волны-желваки.

Прибой взлохматил пену,
Словно перья.
Забился бакен, затуманил глаз
И оторвался,
И упал на берег,
И вместе с ботом медленно угас.

1968

Песок

Песок, он наверно с глазами,
Он видит и вечность, и час,
Не зря становился часами,
Чтоб длиться от неба до нас

Песком или сумрачным снегом,
Что сыплет Господняя длань,
Он между землёю и небом
Стирает незримую грань.

Песка чуть заметную горстку
Возьму и просею в руках:
Песок Мирового Погоста
Взметнётся, как прах, в облаках.

Песок, он, наверно, с глазами...
Летучее время любя,
Песочными — стану — часами,
Чтоб помнить в песчинках тебя.

Танцующие змеи

Я видел змей, танцующих под небом
Среди песка и тёсаных камней.
Их танец тайной для природы не был,
Он был изъяном красоты скорей.

А змеи танцевали, обнимались,
Шипели, поднимались над песком,
То распадались, то опять свивались
Живым узлом, клубящимся клубком.

Мы — матросня — тяжёлыми ломами
С лица земли срывали старый дот,

А змеи дот японский обнимали
И людям загораживали вход.

Но вот мы смертный круг образовали
Над ними, танцевавшими в кругу...
О, как мы их ломами убивали,
Крошили на пустынном берегу!

Потом купались и орали громко
У океана Тихого в горсти...
И только Мишка Яковлев из Ровно
Сказал змее растерзанной: — Прости!

Край света

У Ивана пустела изба
И душа, и Россия пустела.
И свистела печная труба,
По ночам то и дело свистела.

Было дело — мечтал наш Иван
Увидать свою землю большую
И край света,
и множество стран,
Хоть не жаловал землю чужую.

Шёл Иван или ехал куда,
Чуял сердцем — плохая примета:
Ужимались земля и вода,
Подвигались до крайнего света.

Кто-то баял, что будет в раю
Жить Иван среди вечного лета...
А труба-то свистит на краю,
Вот и прибыл Иван
на край света.

* * *

Так хочется чистого снега
И света колючего дня...
А помнишь, как было: с разбега
Ты, ахнув, уткнулась в меня!

Свет бил из небесного лона,
И ворон над нами кружил,
Он помнил туман Альбиона,
Где Дарвин, наверное, жил.

Уткнулась... И вздрогнули парки,
Качнулись деревьев верхи,
Цвели поцелуи-подарки
И падали с неба стихи.

А мы позабыли про время,
Про тайную суть ремесла...
Мы жизнь поцелуями грели,
Чтоб мимо она не текла.

Кружилась луна, словно лира,
А мы среди лунной земли
Не видели брэнного мира
И видеть его не могли...

Такое бывает не часто,
Быть чуждым оно не могло,
И белое дерево счастья
Из чистого снега возшло.